

АРХЕОЛОГИЯ

А.Г. Селезнев

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Маркса, 15, Омск, 644024
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
просп. Мира, 55а, Омск, 644077
E-mail: seleznev@myttk.ru

КОННЫЙ ЛЫЖНИК БРОНЗОВОГО ВЕКА: ЕЩЕ РАЗ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОМПОЗИЦИИ НАВЕРШИЯ РОСТОВКИНСКОГО НОЖА (К 90-ЛЕТИЮ В.И. МАТЮЩЕНКО)

Предложена культурно-историческая интерпретация композиции навершия бронзового ножа из могильника у п. Ростовка, представляющей собой скульптурное изображение коня и лыжника. Намечены две историографические линии в изучении данной композиции, сложившиеся за более чем полвека со времени раскопок. Первая по очередности формирования, условно названная «линией П.М. Кожина», трактует композицию как реальный культурный феномен — «скиджоринг» бронзового века, специфический способ передвижения, при котором лошадь буксирует лыжника. Вторая — «линия Я.А. Шера, И.В. Ковтуна» рассматривает изображение практически исключительно как иллюстрацию мифа и/или обряда и акцентирует внимание на поиске отраженных в ней смыслов. Подход, предложенный в статье, предполагает наличие прототипа в реальной культурной практике, послужившего основой мифотипического сюжета, воплощенного в композиции. По версии автора работы, формирование данного прототипа сопряжено с генезисом лесного культурного комплекса, объединявшего лесостепной, горно- и южно-таежный пояса Сибири и сохранявшего определенное единство на протяжении весьма длительного времени. Экономическую основу комплекса составляли присваивающие формы, оригинально сочетавшиеся с коневодством, призванным обеспечивать транспортные и пищевые потребности охотничьего хозяйства. Существенное место занимали металлургия и металлообработка, на ранней стадии — бронзолитейное, затем — железоделательное производство. Истоки данного комплекса уходят в эпоху бронзы, а его формирование связано с развитием культур коневодов и металлургов, ярко представленных, в частности, в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Ростовкинский мастер запечатлел момент интенсивного поиска нового средства передвижения, приспособленного для конкретных природно-климатических условий. Сцены конно-лыжных гонок выступили в качестве реального прототипа изобразительного сюжета. В работе приводятся данные по функционально и технологически схожим способам пеших и конных буксировок, косвенно подтверждающим выдвинутую концепцию.

Ключевые слова: *могильник Ростовка, конь и лыжник, сейминско-турбинский транскультурный феномен, лесной культурный комплекс, юг Сибири, пешие и конные буксировки.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-005-014

От Ростовки до Санкт-Морица, или Две линии в изучении композиции навершия ростовкинского ножа

Исследование могильника у п. Ростовка Омской области и полученные при этом результаты являются выдающимся достижением как в творческой биографии Владимира Ивановича Матющенко, так и в истории отечественной археологии в целом [Ковтун, 2012а, с. 5; Тихонов, 2014, с. 27–29]. Среди многочисленных ярких находок из раскопок памятника, безусловно, подлинным шедевром является бронзовый нож, рукоять которого венчает скульптурная группа, изображающая коня и лыжника. Нож обнаружен в могиле № 2, где был захоронен ребенок 9–10 лет. Кроме того в могиле находились ножевидная пластина, каменный скребок, сложный браслет или четки. Последний предмет состоял из нефритовых (бело-молочного и светло-зеленого цвета), азурит-малахитовых, бирюзовых, медных или бронзовых бус, а также бусин, выполненных из семян (плодов) какого-то растения, относящегося к голосеменным. Здесь же находились

медная фигурка птицы, кусок горного хрусталя, граненного на шесть граней, и другие вещи. Нож был найден в восточной половине могилы воткнутым глубоко в землю лезвием вниз под черепом захороненного ребенка.

Скульптурная группа навершия рукояти представлена фигурами лошади и лыжника с недоуздом в руках. Поза лошади статична, ноги изображены схематично, ни передняя, ни задняя пары не разделены при литье. Справа на морде виден недоуздок. Фигура лыжника, напротив, выполнена в динамике, кажется, он мчится на большой скорости. У него согнуты в коленях широко расставленные ноги, руки вытянуты вперед, в правой зажат недоуздок. Реалистично выполнены короткие, не больше половины человеческого роста лыжи-голицы с загнутыми носками [Ковтун, 2012а, с. 81–82; Матющенко, 1970, с. 103–105; Матющенко, Сеницына, 1988, с. 7–8, 78–79].

Уже более полувека вокруг находки не утихают споры. Помимо безоговорочной констатации высокого уровня технологии и художественного уровня вещи, исследователи предпринимали неоднократные попытки раскрыть значение изобразительного сюжета. Проблема оказалась трудной: некоторые авторы отмечали, что ростовкинское навершие следует рассматривать как скульптуру с неразгаданным пока потаенным смыслом [Бочкарев, 2002, с. 58].

В XXI в. интерес к ростовкинским скульптуре, пожалуй, даже усилился, что выразилось, в частности, в публикации монографии И.В. Ковтуна, специально посвященной семантике композиции навершия ножа из Ростовки. Целая книга об одном-единственном предмете — случай далеко не ординарный в археологии!

Работа И.В. Ковтуна на данный момент знаменует собой вершину в изучении композиции из Ростовки. Автор выполнил скрупулезный источниковедческий анализ как самого предмета, так и условий залегания, а также сопровождающего инвентаря, что позволило сделать ряд важных открытий. К таковым, например, можно отнести блестящую интерпретацию своеобразного убора хвоста («прически») и 12 насечек («прядей») на гриве коня; увечной диспропорции тела человека; особенностей его одежды (точнее, почти полного ее отсутствия) и т.п. [Ковтун, 2012а, 2014]. Ни одна из этих деталей ранее не привлекала внимание исследователей. В целом И.В. Ковтун интерпретирует композицию как сцену жертвоприношения коня, приуроченного к весеннему циклу. Аналогии этим обрядовым действиям он видит в индоарийской мифологии и ритуалах, сведения о которых извлекаются из классических ведийских литературных памятников. Ростовкинская композиция для исследователя является важным источником, подтверждающим индоарийскую принадлежность сейминско-турбинских сообществ [Ковтун, 2012с]. В развитие этой идеи автор привлекает широкие аналогии и создает соответствующие интерпретации. Например, основываясь на семантических особенностях композиции из Ростовки, строит свою версию происхождения Масленицы [Ковтун, 2012b].

В работе И.В. Ковтуна наиболее последовательно проводится *вторая* (по очередности появления) *историографическая линия* («линия Я.А. Шера¹ — И.В. Ковтуна») изучения ростовкинской композиции. В данном случае скульптура рассматривается практически исключительно как иллюстрация к мифу, или/и как запечатленный в бронзе обряд. Сторонники этой линии игнорируют сведения о наличии культурных феноменов (средств передвижения и перемещения грузов), соответствующих композиции навершия ножа из Ростовки. Альтернативная версия, предполагающая реальный специфический способ передвижения, олицетворенный в ростовкинской скульптуре («линия П.М. Кожина», см. далее), ими практически не берется во внимание.

В качестве иллюстрации последнего положения приведем стоящую несколько особняком интерпретацию П.Ф. Кузнецова [2002, с. 82–84]. Он полагает, что скульптура изображает не буксировку лыжника лошадью, а сцену охоты, в ходе которой человек набрасывает на лошадь петлю. Инструмент, обычно интерпретируемый как недоуздок, может являться особым приспособлением для набрасывания на шею животного. Предполагается, что это не одомашненная, а дикая лошадь, возможно ее конкретный представитель — лесной тарпан. Основания для сомнений в привычной версии заключаются в манере изображения, диссонансе напряженной динамичной позы человека, передающей резкое усилие, и статичной позы лошади. Именно так, по мысли автора, должен выглядеть кульминационный момент охоты на дикую лошадь. Дополнительным аргументом являются неудобство и опасность такого способа передвижения. Автору, по его признанию, неизвестны реальные аналогии ростовкинскому сюжету, в каком бы качестве

¹ Я.А. Шер о содержании ростовкинской композиции: «Возможно, здесь запечатлен эпизод из обряда жертвоприношения коня, первого по значимости (не считая человека) в иерархии жертвенных животных древних индоевропейцев. Не исключено, что и сами ножи были предназначены для заклания» [2006, с. 75].

он ни рассматривался — сцены спортивного состязания, мифологического сюжета или эпизода военных маневров.

Несостоятельность данной интерпретации убедительно показал И.В. Ковтун. Прежде всего, на скульптурном изображении не видно, чтобы лыжник использовал какое-либо орудие, напоминающее аркан или лассо. Но главное состоит в том, что, как было показано выше, грива и хвост лошади ростовкинской скульптуры были аккуратно убраны, что исключает версию ее неодомашенности [Ковтун, 2012а, с. 41].

Мы хотели бы обратить внимание на другой аспект работы П.Ф. Кузнецова. Странно, что автору остались неизвестны факты конной буксировки лыжника в реальной культурной практике. Конечно, здесь следует напомнить о скиджоринге — зимнем виде спорта, в котором спортсмен-лыжник буксируется лошадью, собакой (собаками) или механическим транспортным средством. В разных странах Европы и США созданы и действуют ассоциации конного скиджоринга (Skijoring With Horses). Популярность этого вида спорта подтверждается тем, что он в качестве показательной дисциплины был представлен на Зимних Олимпийских играх 1928 г. в швейцарском городе Санкт-Мориц. Сохранилась киноплёнка, запечатлевшая старт². В соревнованиях приняли участие восемь спортсменов, дистанция составила 1900 м. Вид спорта травмоопасный, поэтому все участники и их лошади проходили строгий контроль. Таким образом, по крайней мере, в отношении спортивных состязаний заявление П.Ф. Кузнецова об отсутствии аналогий ростовкинскому сюжету в реальной культурной практике не соответствует действительности. Отметим, что и П.Ф. Кузнецов, и И.В. Ковтун проигнорировали (или пропустили) опубликованные нами сведения о наличии аналогий изображенному на навершии ростовкинского ножа способу передвижения и в традиционной культуре (см. далее).

К рассматриваемой «мифообрядной» линии близка интерпретация ростовкинского сюжета, изложенная в великолепном эссе А.В. Головнева [1998; 2009, с. 165–166]. Опираясь на сравнительный археологический и этнографический материал, он видит в композиции акт первоприручения дикого животного, вернее, иллюстрацию мифа об этом первоприручении. Ростовкинское изображение — краткий по историческим меркам эпизод, мимолетная зарисовка напряженного процесса поиска оптимального средства освоения пространства в степях и лесостепях Евразии, процесса, в конечном итоге завершившегося формированием всадничества и культа коня. Навершие рисует вариант древнего ритуала игры со зверем, знаменующий важнейший переход к приручению животного. «...За кратким веком удалого лыжника пришла долгая эпоха воина-кочевника. <...> Обряд-зрелище — так можно представить себе игру-состязание лыжника с лошадью в середине бронзового века. Кратковременная традиция, оставившая легкий след в лесостепной археологии, вскоре была прочно замещена культом всадника; а иначе нам, наверное, пришлось бы стать свидетелями захватывающих гонок конных лыжников в Омском Прииртышье (такие гонки действительно можно наблюдать — в швейцарских Альпах или в Колорадо. — А. С.)» [Головнев, 1998, с. 53]. Подтверждает эту точку зрения и то, что нож был помещен в могилу подростка, а рукоять, судя по ее размерам, специально переделана под детскую руку [Ковтун, 2012а, с. 77–78]. Вероятно и сам нож, и сакральный сюжет скульптурного навершия входили в единый комплекс мероприятий, направленных на включение подростка во взрослую жизнь.

Первой (по очередности появления) *историографической линии*, предполагающей, что композиция отражает некую культурно-хозяйственную реальность, специфический способ использования лошади как транспортного средства, придерживался ряд специалистов [Косарев, 1984, с. 110, прим. 134; Мошинская, 1979, с. 38–39; Кирюшин, 2002, с. 101; Авилова, 2014, с. 107, 109]. Версию культурного феномена, прямо отраженного в композиции ростовкинской скульптуры, последовательно развивает П.М. Кожин [1993, 2007]. Он констатирует распространение в эпоху бронзы, в том числе в сейминско-турбинской среде, различных видов боевых колесниц и в то же время отсутствие каких-либо реальных данных о всадничестве в степной полосе до начала железного века. На этом культурно-историческом фоне ростовкинскому лыжнику уделяется исключительно важное место. Автор видит в композиции еще одну альтернативную возможность древнейшего применения коня. Держась за постромки, лыжник передвигался как бы на буксире за быстро движущейся лошадью. Этим приемом, по мнению исследователя, могли пользоваться и сейминские воины, и их противники. Именно для перерезывания постром-

² Это была еще и одна из первых киносъемок зимних Олимпийских игр вообще. Поэтому кадры соревнований были включены в презентационный ролик Олимпиады в Сочи и их увидели миллионы зрителей по всей планете.

мок могли служить копыта с крюком. Прямую аналогию позе ростовкинского лыжника П.М. Кожин видит в знаменитой фигурке из Галичского клада. Вопреки устоявшейся трактовке данного артефакта как танцующего идола или шамана во время камлания, он утверждает, что это изображение лыжника, мчащегося на постромке, а поза изображенного человека (руки, сложенные на поясе, напряженные и резко подчеркнутые мышцы голеней присогнутых ног) подобна позе саамов, едущих за оленем, или спортсменов на водных лыжах. Хотя автор был вынужден отметить, что для подобной практики у лошади должны быть подковы или аналогичные приспособления при движении по льду или твердому насту, саму возможность подобного использования лошади он считает вполне реальной, ссылаясь на культурный опыт Северной Америки, где волокуша предшествовала верховой езде [Кожин, 2007, с. 246–248].

Главное в позиции П.М. Кожина — то, что он последовательно встраивает артефакт в общеисторический контекст. Для него нож из Ростовки — важнейший элемент яркого и самобытного сейминско-турбинского транскультурного феномена эпохи бронзы (предположительно 2150–1600/2500–1300 гг. до н.э.) [Черных, Кузьминых, 1989; Черных, 2008, с. 47–50]. Речь идет о чрезвычайно яркой и насыщенной истории распространения археологических памятников со схожими металлическими вещами на широкой территории в лесной и лесостепной зонах Евразии — от Саяно-Алтая до северной половины Европы. Инвентарь большинства памятников носит выраженный воинский характер. Все основные сейминско-турбинские некрополи приурочены к крупным водным магистралям и часто к устьям больших рек. Важнейший компонент сейминско-турбинского феномена был связан с племенами металлургов и коневодов и локализовался в Алтайской горной и предгорной области в экологическом окружении степных, лесостепных и, вероятно, подтаежных областей (Рудный Алтай, бассейн верхнего Иртыша, Верхнее Приобье и др.) [Кирушин, 2002, с. 86–88]. Историческим содержанием рассматриваемого феномена стали стремительные походы-миграции чрезвычайно активных, можно сказать, даже напористо-агрессивных элитарных групп воинов-металлургов в западном и северо-западном направлениях, по междуречью Иртыша и Оби. Стремительность сейминско-турбинской экспансии была обусловлена явным превосходством данных групп в вооружении, средствах передвижения, социальной (в том числе военной) организации [Черных, Кузьминых, 1989, с. 251–253, 269–276].

Важно отметить, что на первом этапе сейминско-турбинских миграций — западно-сибирском основная часть передвижений была приурочена к лесостепным и лесным областям региона. Складываются крупные центры сейминско-турбинской металлургии. Один из таких центров формируется на территории Среднего Прииртышья и связан прежде всего с могильником Ростовка [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 126–133]. Тяготение к лесной экологической зоне проявлялось и на уральском этапе, когда сейминско-турбинские сообщества контактировали с абашевскими группами [Черных, 2008, с. 48].

Этой лесной направленности ни в коей мере не противоречит отчетливо выраженный в культуре сейминско-турбинских групп коневодческий комплекс, столь ярко проявившийся в выразительных изображениях лошадей. Очевидно, здесь имело место коневодство лесного типа, специфическое по генезису и особенностям транспортного использования. К этим особенностям, вероятно, следует относить различные виды конной буксировки. В том числе самую сложную и в то же время внешне наиболее эффектную, захватывающую, экстремально-опасную, эмоционально и художественно насыщенную — конную буксировку лыжника (видимо, благодаря именно крайне высокому накалу чувственного и эмоционального возбуждения, охватившего мастера во время наблюдения или участия в захватывающем действе конно-лыжной гонки, мы и можем сейчас любоваться ростовкинской скульптурой). Очень важно, что несколько экзотичное для современного восприятия сочетание взнузданной лошади и лыжника — «скид-жоринг» бронзового века — органично включено в культуру воинов, коневодов и металлургов, характерную для данного явления [Черных, Кузьминых, 1989, с. 120–121, 273].

Впрочем, в поисках аналогий этому виду транспорта можно было и не уходить за пределы Старого Света, как это делает П.М. Кожин. Сравнительные материалы по описываемым способам буксировки свидетельствуют об их значительной древности. Следы былого существования подобного способа передвижения отразились в фольклоре нарымских хантов. Г.И. Пелих приводит записанный у них рассказ о том, «как охотник уходил зимой на охоту на лыжах за конем. Для того, чтобы вывезти добычу, лыжи связывались друг с другом за ремни, продетые в дырочки на передних концах лыж, привязывались к лошади. Затем на лыжи, как на сани, нагружалась добыча, и конь вез ее домой» [Пелих, 1972, с. 280–281]. На эту параллель впервые обратила

Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции...

внимание В.И. Мошинская [1979, с. 38–39], отметившая, что в приведенном рассказе фактически речь идет о пешем охотнике на лыжах, использующем лошадь, подобно тому как он сам впрягся бы или впряг собаку в нарту для вывоза скарба и добычи. Исследователь видит в этом свидетельстве «отличную иллюстрацию» ростовкинской композиции.

Вообще такой способ буксировки спорадически применялся в условиях относительного редколесья и неглубокого снега или наледи (наста). Уже довольно давно, в 1980-х гг., нам удалось собрать этнографический материал о подобных способах буксировки в Барабе. У барабинских татар конная буксировка применялась в двух разновидностях: когда в качестве буксирного средства использовались лыжи, груженные поклажей, и когда сам охотник-лыжник прицеплялся к лошади. Рассматриваемые способы передвижения применялись в межсезонье: ранней весной или поздней осенью, по неглубокому снегу и не очень жесткому насту, не наносившему ранений конечностям лошади. Кроме того, условием функционирования данных видов буксировки были широкие открытые безлесные, относительно ровные пространства. Западно-Сибирская лесостепь вполне отвечала этим условиям. Использовались прямые, с набивной ступательной площадкой или с бортиками лыжи-голицы (чанга) саяно-алтайского типа. Носки лыж были снабжены отверстиями для продевания ремней. Лошади были специально тренированные для подобного способа передвижения. Один конец буксировочной лямки крепился за отверстия в лыжах, второй за седло (седелку). В случае если сам охотник прицеплялся к лошади, лямка с одной стороны закреплялась на его поясе³, а с другой — на седле. Двигаясь таким образом, охотник добирался до угодья, а затем отцеплялся и дальше шел на лыжах самостоятельно [Селезнев, 1994, с. 94–95]. Очень близки к лыжам саяно-алтайского типа (о нем см.: [Антропова, 1961, с. 84, 97–98]) лыжи, изображенные на ростовкинской скульптуре — скользящие, прямые, со слабо изогнутым носком. На правой лыже посередине отчетливо видно возвышение, которое можно трактовать как изображение ступательной площадки [Ковтун, 2012а, цв. вклейка, фото 5, 1, 2].

Возвращаясь к двум линиям в историографии ростовкинской скульптуры, отметим, что ее композиция, конечно, отражает миф или сложное обрядовое действие. «Едва ли ростовкинский кузнец был вдохновлен сценой похода коня и лыжника за дичью или хворостом. И расположение скульптуры — на навершии оружия — не место для бытовых зарисовок» [Головнев, 1998, с. 50]. В то же время сюжет ростовкинской скульптуры не сводится к чистой фантазии, полностью оторванной от практики реальной жизни. Выстраивая этот сюжет, тонко наполняя его символами, отражающими общую идею, творец все-таки основывался на реальном прототипе, который он имел возможность наблюдать в повседневной жизни. Таким образом, проблема интерпретации сводится не только к поиску абстрагированных мифологических параллелей, но и к выявлению культурно-исторического контекста, в рамках которого смогли бы сложиться условия формирования и развития этого реального прототипа.

Конь, металл, лыжи: содержание ростовкинской композиции в контексте лесного южно-сибирского культурного комплекса

В работах [Селезнев и др., 2006; Селезнев, 2009] нами была предпринята попытка обосновать выделение особого культурного комплекса, сформировавшегося в лесной зоне южной части Сибири в глубокой древности и просуществовавшего вплоть до этнографической современности. Суть выдвинутой идеи состоит в том, что группы, населявшие в древности и в относительно недалеком прошлом лесостепной, горно- и южно-таежный пояса Сибири, несмотря на различие в происхождении и языковой принадлежности, обладали определенным культурно-историческим единством. При этом общие элементы их культуры неразрывно взаимосвязаны и образуют цельный комплекс, устойчиво повторяющийся во времени и в пространстве.

В I тыс. н.э. группы, составлявшие данный культурный ареал, входили в обширную динлинтелескую племенную конфедерацию, сведения о которой содержатся в китайских летописях и тюркских рунических надписях. Выражение «лесные народы» («агач эри», «урман кат», «нойин урянха»), условно принятое нами в качестве наименования всего культурного комплекса (ареа-

³ Начиная с первых публикаций В.И. Матюшенко акцентировал внимание на том, что едва ли не единственным (кроме шапочки) отчетливо видимым аксессуаром гардероба ростовкинского лыжника был пояс, намеченный «слабым уступом» [1970, с. 104]. Эта деталь дала И.В. Ковтуну повод для пространных рассуждений о поясе-функции, поясе-статусе, Поясе Силы и т.п. Вопреки правилу Оккама, самая простая, утилитарная функция пояса как элемента буксировочного механизма в его работе практически не отражена (см.: [Ковтун, 2012а, с. 67–70]).

ла), впервые появляется в арабо-персидских источниках монгольского времени (XIII–XVII вв.). В этих материалах (наиболее полные на сегодня сводки см.: [Селезнев и др., 2006, с. 23–35; Селезнев, 2009, с. 191–193; Савинов, Длужневская, 2008, с. 112–131]) содержатся данные о группе охотничье-скотоводческих племен: бома-алатах (вероятно, население местности Алагчин в источниках монгольской эпохи), дубо (вероятно, лесные урянкаты источников монгольской эпохи), байегу (байырку тюркских рунических текстов), гулигань (куруканы тюркских рунических текстов). Судя по описаниям, указанные группы существенно отличались по своим культурно-бытовым особенностям от типичных скотоводов-кочевников.

Анализ письменных источников в корреляции с археологическими и этнографическими материалами позволил в общих чертах реконструировать основные признаки лесного южно-сибирского комплекса. Его экономическую основу составляли присваивающие формы хозяйства: охота на мясного и пушного зверя; собирательство, в том числе специализирующееся на сборе лекарственных трав; рыболовство. Эти виды хозяйства оригинально сочетались с коневодством, призванным обеспечивать транспортные и пищевые потребности охотничьего хозяйства. Почти повсеместно среди «лесных» племен и народов развивалось земледелие, преимущественно мотыжное, но иногда (например, у бома-алатов) и пашенное. На основе коневодства лесного типа, вероятно, происходило формирование саянского вьючно-верхового оленеводства, что знаменовало появление важнейшего центра доместикации оленя. В этой связи показательно, что в обобщающей систематизации типов скотоводства А.М. Хазанов подчеркивает некочевой характер культуры саянских оленеводов. Он видит неожиданную типологическую аналогию такой модели в культуре индейцев Великих Равнин Северной Америки, которых решительно отказывается считать скотоводами, а освоенное ими верховое коневодство рассматривает лишь с точки зрения использования лошади в качестве транспортного средства для оптимизации охотничьего хозяйства [Хазанов, 2002, с. 22–25, 117–118].

Существенное место в данном комплексе занимают металлургия и металлообработка, на ранней стадии — бронзолитейное, затем — железоделательное производство. В определенной степени экономика лесных племен средневековья составила основу мощи и процветания центрально-азиатских государственных объединений. Таким образом, важнейшая тенденция культурогенеза на юге Сибири заключается в том, что лесные и таежные охотничье-собирательские и охотничье-скотоводческие группы Саяно-Алтая, несмотря на внутренние различия, совокупно все же противостоят специализированному степному скотоводческо-кочевническому комплексу. Иными словами, различия между охотничье-собирательскими и охотничье-скотоводческими группами качественно меньше, чем различия между этими группами вместе с одной стороны и кочевниками-степняками — с другой. Это позволяет рассматривать лесные и таежные культуры Саяно-Алтая в качестве единого комплекса, которому практически по всем параметрам противостоит комплекс культуры типичных скотоводов-кочевников. Если же к горно-таежному комплексу присоединить, как это сделала Э.Л. Львова [Тюрки..., 1991, с. 96–105], равнинный таежный комплекс, то проблема формирования и развития лесных и таежных культур юга Сибири приобретает совершенно особое значение.

Такая постановка вопроса получила отражение в работе Д.Г. Савинова, посвященной экологическим и культурным аспектам развития раннесредневековых культур Центральной Азии и Южной Сибири. Автор, в частности, отмечает: «Безусловной заслугой А.Г. Селезнева является то, что он обратил особое, в ряде случаев детерминирующее внимание на развитое коневодство и железоделательное производство, как наиболее показательные признаки реконструируемой им хозяйственно-культурной общности «лесных народов» Южной и Западной Сибири» [Савинов, Длужневская, 2008, с. 48].

Столь широкое и устойчивое распространение культур коневодов и металлургов при общей ориентации на присваивающую экономику или, во всяком случае, при сохранении существенного компонента такой экономики неизбежно порождает вопрос об истоках и происхождении данного комплекса. Эта проблема, по всей видимости, связана с экологическими аспектами развития лесных культур. Оригинальное сочетание охотничье-кочеводческой модели хозяйства могло сформироваться под воздействием необходимости расширения опромышляемых охотничьих угодий. Как показали специальные исследования (см., напр.: [Косарев, 1984, с. 49–53]), пеший охотничий промысел, господствовавший в зоне сибирских лесов в неолите, к началу эпохи бронзы перестал удовлетворять потребности растущего населения, что вызвало необходимость поиска оптимального для охотничьего хозяйства транспортного средства. Такое средство было найдено. В лесо-

Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции...

степных и подтаежных регионах юга Сибири для целей охотничьего промысла незаменимой оказалась лошадь. Относительное редколесье, невысокий снежный покров и способность к тебеневке создавали оптимальные возможности для использования лошади на промысле.

В этот же период, а также, видимо, как реакция на упомянутый кризис архаического охотничьего хозяйства, осложненный, вероятно, еще и крупными климатическими изменениями, происходит становление скотоводческой модели культуры в Центральной Азии (см., напр.: [Хазанов, 2002, с. 181–188]). Этот процесс в конечном итоге завершился формированием кочевническо-скотоводческого комплекса, классического центрально-азиатского номадизма. Таким образом, процессы формирования и развития скотоводческо-кочевнического и лесного культурных комплексов порождены во многом одними и теми же причинами, шли параллельно, были взаимосвязаны и влияли друг на друга. Начало этих грандиозных изменений относится, видимо, к эпохе бронзы, и ярчайшим и зримым символом этого процесса является одна из самых замечательных археологических находок — фигурка бронзового «конного лыжника», венчающая рукоятку ножа из могильника Ростовка. Именно этот момент интенсивного поиска нового средства передвижения, приспособленного для конкретных природно-климатических условий, запечатлел на тысячелетия ростовкинский мастер. Сцена лыжных гонок за конем выступила для него в качестве реального прототипа иллюстрации мифологического повествования или священного обряда.

К близким по смыслу выводам приходит специалист по искусству эпохи бронзы Ю.И. Михайлов: «Синташтинские, сейминско-турбинские и синхронные им древности, исследованные на территории от Урала до Енисея, свидетельствуют о тесной взаимосвязи двух культурных достижений, значение которых трудно переоценить — совершенные технологии производства бронзовых изделий и транспортное использование лошади. <...> Есть основания считать, что формирование лесного культурного комплекса происходило в рамках процесса сложения евразийской металлургической провинции. Прогрессивные навыки металлургии и металлообработки, а также транспортное использование лошади стали ведущими составляющими хозяйственной деятельности населения юга Западной Сибири на рубеже III–II тыс. до н.э.» [2011, с. 22].

Косвенным подтверждением такого развития событий является широкое распространение буксировки разнообразных волокуш, освоенных людьми еще в каменном веке и доживших до этнографической современности [Семенов, 1968, с. 252, 256–259; Berg, 1935, p. 74–89]. Особое место в этом ряду принадлежит буксировке пары соединенных между собою лыж, образующих подобие импровизированных нарт. Для крепления буксировочной лямки носки лыж снабжались специальными отверстиями. Этот способ передвижения и перемещения грузов получил широкое распространение в традиционной культуре Северной Евразии [Селезнев и др., 2006, с. 109–111]. Сохранились прямые свидетельства письменных источников, что буксировка пары лыж получила применение в хозяйственной практике «лесных» народов средневековья. Так, описывая лесных урянкатов, быт которых может служить эталоном лесной культуры, Рашид-ад-Дин (XIV в.) сообщал между прочим следующее: «...они делают особые доски, которые называют чанэ и на них становятся... Рядом с теми чанэ, на которых сами находятся, они тащат привязанными другие (лыжи); на них складывают убитую дичь». Историк отметил, что аналогичный способ передвижения был особенно распространен в области Баргуджин-токум (видимо, Забайкалье), у «лесных» (охотничье-скотоводческих/конеvodческих) тюркских и монгольских племен: кори, урасут, теленгут и тумат [Рашид-ад-Дин, 1952, с. 124]. Достоверность приведенного свидетельства отлично документируется упомянутым в тексте словом «чанэ». Это общетюркский термин для обозначения лыж. Видимо, этимологически близкая лексика служит также для названия нарт в языках и диалектах Южной Сибири. Ср.: куманд. *šanaš*; тат. диал. *čaŋyə*, *čaŋya*, бараб., тоболо-иртыш. *čaŋyu*, *čaŋya*, *čaŋqə*, башкир. *saŋyə*, *saŋqa*, шор. *šaŋa* 'лыжи (на Алтае и Саянах преимущественно подволоки)'; и в то же время: челкан. *šanač*, *šanayaš*, тув. *šanaq*, бараб., чулым. *sanaq* 'нарты, санки', шор. *šanayaš* 'нарты' (исходное *ča:na — сани) [Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 535–537].

По археологическим данным этот способ передвижения и перемещения грузов известен с глубокой древности. Доски-полозья, лежащие в его основе, вошли в первую группу первого класса по классификации Г.М. Булова и представлены типами *хейнола*, *висский* и *алаторнио*. Хейнола и висский типы датируются VIII–VI тыс. до н.э., алаторнио — II тыс. до н.э. Аналогии реконструируемым средствам транспорта автор обнаруживает в плоских бескопильных санях — тобогганах, получивших распространение у индейцев монтанье-наскапи Северной Америки [Бу-

ров, 1997, с. 45–46]. Впрочем, теперь ясно, что подобные способы буксировки были широко распространены и в Старом Свете.

Функционально и технологически близки описываемым также конные полозные (двухполозные) волокуши. Такие волокуши, в частности, получили распространение на северном Алтае (челканцы). Волокуша (пойлок, кандай) состояла из двух подпрямоугольных в сечении полозьев длиной около 4 м, переходящих в округлые оглобли. На концах полозьев установлена пара брусковидных массивных копыльев, соединенных между собой деревянным вязком. Волокуша подпрягалась к лошади посредством пары оглобель, являвшихся продолжением полозьев [Селезнев и др., 2006, с. 114].

Итак, можно с высокой степенью вероятности предполагать, что истоки лесного комплекса юга Сибири уходят в эпоху бронзы, а его формирование связано с развитием культур коневодов и металлургов, ярко представленных, в частности, в рамках сейминско-турбинского транскультурного феномена. Коневодство лесных южно-сибирских групп носило подсобный охотничьему промыслу характер и служило главным образом для доставки охотника до угодья. Именно так использовался конь в эпоху средневековья «лесными» народами, а в недавнем прошлом — южно- и горно-таежными охотниками Сибири. Такое коневодство подходило к природно-географическим условиям расселения лесных групп — лесостепь и разреженная низкогорная тайга — и развивалось как в форме прямого заимствования у соседей-степняков элементов верхового коневодства, так и в форме совершенно оригинальных способов конной буксировки, в том числе буксировки лыжника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авилова Л.И.* История дорог и наземного транспорта по данным археологии // Наука в России. 2014. № 4 (202). С. 104–112.
- Антропова В.В.* Лыжи // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 79–106.
- Бочкарев В.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен. Казань: Рухият, 2002. Т. 1: Народы степной Евразии в древности. С. 46–68.
- Буров Г.М.* Зимний транспорт Северной Европы и Зауралья в эпоху неолита и раннего металла // РА. 1997. № 4. С. 42–53.
- Головнев А.В.* Бронзовый лыжник из Ростовки // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. Ч. I. С. 50–53.
- Головнев А.В.* Антропология движения: (Древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН: Волот, 2009. 496 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 2002. 294 с.
- Ковтун И.В.* Конь и лыжник: Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2012а. Т. IV. 128 с.
- Ковтун И.В.* Происхождение масленицы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия. 2012b. Т. 1. С. 172–178.
- Ковтун И.В.* Сейминско-турбинские древности и индоарии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012с. № 4 (19). С. 53–70.
- Ковтун И.В.* Хвост и грива конской фигурки из Ростовки // РА. 2014. № 1. С. 5–13.
- Кожин П.М.* Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 16–41.
- Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке: (Палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.
- Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
- Кузнецов П.Ф.* Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 81–84.
- Матющенко В.И.* Нож из могильника у деревни Ростовка // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 103–105.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.
- Михайлов Ю.И.* К проблеме истоков мифологической общности тюрко-монгольских народов // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 21–23.
- Мошинская В.И.* Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: ТГУ, 1979. С. 34–45.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972. 424 с.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 221 с.
- Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб: Ладога, 2008. 170 с.
- Селезнев А.Г.* Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск: Наука, 1994. 176 с.

Конный лыжник бронзового века: еще раз о культурно-исторической интерпретации композиции...

Селезнев А.Г. Конь и металл: Экологические аспекты формирования лесных и таежных культур юга Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/3. С. 191–195.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири: (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука, 2006. 260 с.

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке Л.: Наука, 1968. 362 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Тихонов С.С. Vita scientificus, или археолог В.И. Матющенко // Vita scientificus, или Археолог В.И. Матющенко: Сб. науч. тр., посвящ. 85-летию со дня рождения Владимира Ивановича Матющенко — археолога, ученого, педагога. Омск: Полигр. центр КАН, 2014. С. 10–41.

Тюрки таежного Причумырья: Популяция и этнос. Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 245 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М: Наука, 1989. 320 с.

Шер Я.А. Первобытное искусство: Учеб. пособие. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 351 с.

Berg Gösta. Sledges and wheeled vehicles. Ethnological studies from the view-point of Sweden. Stockholm-Uppsala: Almqvist and Wiksells, 1935. 190 p.

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography
of Siberian Branch RAS
Marx av., 15, Omsk, 644024, Russian Federation
Dostoevsky Omsk State University
Mira av., 55a, Omsk, 644077, Russian Federation
E-mail: seleznev@myttk.ru

A HORSE-SKIER OF THE BRONZE AGE: A REAPPRAISAL OF THE CULTURAL AND HISTORICAL INTERPRETATION OF THE DECORATIVE FINIAL ON A DAGGER FROM ROSTOVKA, WESTERN SIBERIA (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF VLADIMIR I. MATYUSHCHENKO)

This paper proposes the cultural and historical interpretation of the cast figure, consisting of a horse and a skier, on the finial of a bronze knife or dagger from the necropolis near the village of Rostovka. Two interpretations of this composition are outlined in the first part of the work. The first one suggests that the composition represents an actual cultural phenomenon — a Bronze Age «Skijoring», a means of transportation where a skier is towed by, in this case, a horse. The second possible interpretation considers the composition almost exclusively as an illustration of myth and/or ritual and focuses on the search for the meanings reflected in the figures. The approach proposed in the paper assumes the existence of a known cultural practice, which is used as the basis of the myth-ritual plot embodied in the composition. The author's version of the cultural and historical context of this prototype is presented in the second part of the work. The context of the artwork is the development of a forest-based culture, occupying the forest-steppe, mountain-taiga and southern-taiga belts of Siberia and maintaining its identity over a long period. The economic basis of this culture was appropriating forms, combined with horse breeding, designed to provide transport and satisfy food needs through hunting. A significant place in this culture is occupied by metallurgy and metalworking, initially bronze production, followed by iron production. Proof is given that the origins of this culture date back to the Bronze Age, and its formation is consistent with the development of cultures of horse-breeders and metallurgists, within the framework of the Seima-Turbino transcultural phenomenon. The Rostovka artist appears to capture a moment of experimentation with a new means of transportation, adapted to specific local climatic conditions. Scenes of equestrian-skiing racing have then been incorporated into a developing mythic story. Data on functionally and technologically similar methods of foot and horse towing, indirectly confirming the proposed concept are also presented in the work.

Key words: Rostovka burial ground, the horse and skier, Seima-Turbino transcultural phenomenon, forest culture complex, South of Siberia, traditional towing methods.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-005-014

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

REFERENCES

Antropova V.V. (1961). Skiing. *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri*, Moscow: AN SSSR, 79–106.

Avilova L.I. (2014). History of roads and land transport on archeological data. *Nauka v Rossii*, (4), 104–112.

- Berg Gösta (1935). *Sledges and wheeled vehicles. Ethnological studies from the view-point of Sweden*, Stockholm-Uppsala: Almqvist and Wiksells.
- Bochkarev V. (2002). Volga-Ural region during the Bronze Age. *Istoriia tatar s drevneishikh vremen*, 1, Kazan': Rukhiiat, 46–68.
- Burov G.M. (1997). Winter transport of Northern Europe and the Transurals region during the Neolithic and the Early Metal Age. *Rossiiskaia arkheologiya*, (4), 42–53.
- Chernykh E.N. (2008). Formation of the Eurasian «Steppe Belt» of Stockbreeding Cultures: Viewed through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (3), 36–53.
- Chernykh E.N., Kuzminykh S.V. (1989). Ancient metallurgy of Northern Eurasia, Moscow: Nauka.
- Golovnev A.V. (1998). Bronze skier from Rostovka. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*, 1, Omsk: OmGU, 50–53.
- Golovnev A.V. (2009). *Anthropology of Movement: (Antiquities of the North Eurasia)*, Ekaterinburg: UrO RAN: Volot.
- Khazanov A.M. (2002). *Nomads and the outside world*, Almaty: Daik-Press.
- Kiriushin Iu.F. (2002). *Eneolithic and Early Bronze Age in the South of Western Siberia*, Barnaul: AltGU.
- Kosarev M.F. (1984). *Western Siberia in the ancient times*, Moscow: Nauka.
- Kovtun V.I. (2012a). *The horse and the skier: Transactions of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk state university*, 4, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Kovtun I.V. (2012b). Origin of the pancake week. *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami*, 1, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiia, 172–178.
- Kovtun I.V. (2012c). The Seyima-Turbino antiquities and Indo-Aryans. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4), 53–70.
- Kovtun I.V. (2014). The tail and the mane of a small horse sculpture from Rostovka. *Rossiiskaia arkheologiya*, (1), 5–13.
- Kozhin P.M. (1993). Siberian phalanx of the Bronze Age. *Voennoe delo naseleniia iuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*, Novosibirsk: Nauka, 16–41.
- Kozhin P.M. (2007). *Ethno-cultural contacts of the Eurasian population during the Eneolithic — Early Iron Age: (Paleoculturology and vehicles)*, Vladivostok: Dal'nauka.
- Kuznetsov P.F. (2002). Images of the horse during the Bronze Age and interpretation of the Rostovka composition. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: Prostranstvo, vremia, kul'tura*, Barnaul: AltGU, pp. 81–84.
- Matiushchenko V.I. (1970). Knife of the burial ground near the village of Rostovka. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, (123), 103–105.
- Matiushchenko V.I., Sinitsyna G.V. (1988). *Burial ground at the village of Rostovka near Omsk*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Mikhailov Iu.I. (2011). On the problem of the origins of the Turkic-Mongolian peoples mythological unity. *Etnicheskaia istoriia i kul'tura tiurkskikh narodov Evrazii*, Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 21–23.
- Moshinskaia V.I. (1979). Some data on the role of horses in the culture of the Western Siberia Far North population. *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Sibiri*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 34–45.
- Pelikh G.I. (1972). *The origin of Selkups*, Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Rashid-ad-Din (1952). *Collection of Chronicles*, 1, Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Savinov D.G., Dluzhnevskaja G.V. (2008). *Ecology and culture of Central Asian and Southern Siberian Early Medieval societies*, St. Petersburg: Ladoga.
- Seleznev A.G. (1994). *Baraba Tatars: The origins of ethnos and culture*, Novosibirsk: Nauka.
- Seleznev A.G. (2009). Horse and Metal: Ecological Aspects of Formation of Forest and Taiga Cultures in the Southern Siberia. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4/3), 191–195.
- Seleznev A.G., Selezneva I.A., Bel'gibaev E.A. (2006). *The World of taiga Forest Cultures of South Siberia: (Traditional Economy and Related Aspects of Life)*, Omsk: Nauka.
- Semenov S.A. (1968). *Development of Technology during the Stone Age*, Leningrad: Nauka.
- Sher Ia.A. (2006). *Primitive art*, Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Tikhonov S.S. (2014). Vita scientificus, or Archaeologist V.I. Matyushchenko. *Vita scientificus, ili Arkheolog V.I. Matiushchenko*, Omsk: KAN, 10–41.